

Мы успели родиться на шестой части суши —
На восток до Камчатки и до Кушки на юг.
Мы умели смеяться и играть без игрушек,
И не всякого сразу допускали в свой круг.

Мы сбегали с уроков на футбольное поле;
Мастерили ракеты из конфетной фольги,
И таинственный запах бертолетовой соли
Ни химчистки, ни стирки одолеть не могли.

Мы не ждали послушно, когда стукнет шестнадцать,
И на взрослые фильмы пробирались в кино.
Мы с пеленок учились ничего не бояться
И не верить, что будет — чему быть суждено.

Мы чуть свет выбирались из постылой постели,
Каждый день продлевая хоть на крохотный час;
Мы быстрее выросли, потому что хотели
До поставленной цели доходить каждый раз.

Мы от края до края по земле колесили,
От Карпат до Байкала все нам было — свое.
Мы страну, где родились, называли Россией
С бóльшим правом, чем нынче называют ее.

Где-то строились башни, где-то рушились стены;
Мир дробился на части и кроился по швам.
Мы сумели не согнуться через все перемены,
И, кому было трудно, шли по нашим следам.

Мы ни совесть, ни веру никогда не попрали.
Что нам новый порядок или старая власть.
Если мы в этом мире до сих пор не пропали,
То, уж будьте надежны, нам и впредь не пропасть.

ПАМЯТИ ГРИГОРИЯ ЧАЙНИКОВА

Известно, бедность не порок.
Кушетка, стол, стакан, окурки;
Обитый дранкой потолок
С проплешинами в штукатурке;

В углу — набросок на станке,
Поверх — заляпанная простынь.
Мы с ним сошлись накоротке
В конце невнятных девяностых.

Я ошивался день-деньской
В лиловой сигаретной дымке
В художественной мастерской
У церкви на Большой Ордынке.

Мы не вели пустых бесед.
Когда под сорок за плечами,
Скучнее нет: вопрос — ответ.
Мы больше, помнится, молчали.

Он не искал чужих похвал.
И хоть судил довольно строго,
Но сам, похоже, понимал,
Что был художником от Бога.

Я пропадал на два-три дня,
Но появлялся вновь исправно;
Мне было лестно, что меня
С собой он принимал на равных.

Его мазок дружил с мазком,
Как будто в лад слагались ноты.
Мне вдруг подумалось тайком:
Где мой портрет его работы?

Мы дружим с лишком восемь лет,
Ну, чем я, собственно, рискую.
И я однажды, осмелев,
Спросил об этом напрямую.

Он повертел сухую кисть,
Как виртуоз играя с нею.
«Успеется, не торопись;
Чем позже, знаешь, тем ценнее.

Я ожидал такой вопрос
И сам не раз об этом думал...»
Но не случилось, не сбылось.
В начале осени он умер.

Не в нашей власти воскресить
Ушедшего. Но вот что странно,
Я не могу его простить
За то, что он ушел так рано.

Я б не обиделся, клянусь,
Из-за какого-то портрета.
Но, кажется, пока я злюсь,
Он с нами остается где-то.

Войдет, и сразу стихнет шум.
Он скажет: «Смерть была ошибкой!»
И улыбнется сквозь прищур
Своею вечною улыбкой.

СМЕРТЬ БУЛГАКОВА

Стеклянная расплывчатая муть
Колышется над скомканной постелью.
Седьмую ночь я не могу уснуть,
С рассудком разлучаясь постепенно.

Ни свет, ни тень — лишь отблески в окне;
Потухший взгляд заволокло от боли.
Я обречен на то, чтобы на мне
Исполнилось проклятье родовое.

Я никогда так прежде не страдал,
Все тело будто бы сжимают клещи.
Так мой отец когда-то умирал,
Точь-в-точь как я, безвольный и ослепший.

Я изможден, не вешу и полста;
Без сил обвисли руки, словно плети.
Но на вопрос: «Похож я на Христа?» —
Никто из близких даже не ответил.

Им кажется, что я уже погиб.
Но даже если я вот-вот умолкну,
Из горла вырывающийся хрип
У них в ушах останется надолго.

Я жду, быть может, жар спадет к утру,
Хотя и не могу понять, зачем мне.
Я точно предсказал, когда умру,
Но знание не дарит облегченья.

Будь я уверен в том, что там — покой
Иль пустота — ни ночь, ни день, ни вечер,
Я бы легко на смерть махнул рукой.
Подумаешь! Никто из нас не вечен.

Но эту сказку я придумал сам,
И в этот час она совсем не к месту.
Кто знает, что нас ожидает там?
Страшна не смерть, пугает — неизвестность.

И вот беда, — будь ты стократ речист,
Там каждому в его воздастся мера.
Я не агностик и не атеист,
Мой ужас в том, что не могу не верить.

Меня предупреждали много раз,
Но я не слышал в гордом ослепленье;
И тем, что многих малых ввел в соблазн,
Я путь себе отрезал к отступленью.

Словами покаянного псалма
Шевелятся запекшиеся губы.
Что ж, свой исход я заслужил сполна.
Пора на суд, а дальше — будь что будет.

СВЯЗЬ

Удел связиста — это ли не рай?
Удачливей на фронте не найдете.
Наладил связь — сиди и ожидай,
Тебе не лезть под пули, как пехоте...

Я, устранив на линии обрыв,
Ползком открытым полем пробирался.
Со всех сторон гремел за взрывом взрыв,
А немец будто бы с цепи сорвался.

Земля вздымалась, дым стоял стеной.
Мгновение — и лопнут перепонки;
Когда меня ударною волной
Отбросило на дно большой воронки.

Там трое пацанов, как я, солдат
Дрожали побелевшими губами
И, на меня направив автомат,
Велели мне валить к такой-то маме.

Я до сих пор не смею их судить;
Такие есть везде — один на тыщу.
Я благодарен, что остался жить,
Короткий выстрел — и концов не сыщешь.

Я цел и невредим дошел назад.
Не то, чтоб думал, ждут меня объятья;
Но лейтенант лишь бросил беглый взгляд:
«Опять обрыв. Давай, ползи обратно».

Я было возразил: не мой черед,
Теперь тебе пора идти настала.
Но он сквозь зубы процедил: «Вперед!
Что смотришь? Не боишься трибунала?!»

И я пополз второй раз в этот ад.
Фашист сплошным ковром по полю стелет,
И каждый пролетающий снаряд,
Казалось, прямо на меня нацелен.

Не буду врать, я страха не скрывал,
Но чувствовал нутром, что не погибну;
И только непрерывно повторял
Рассказанную бабкою молитву.

Уже сквозь гарь окоп был виден наш,
Уже готов в него был прыгнуть с ходу...
Прямое попадание в блиндаж,
И кровь с огнем взметнулись к небосводу.

Мне не избавиться от этих снов.
Но кто однажды видел смерть так близко,
Тот навсегда постиг значенье слов:
На фронте — не бывает атеистов.

* * *

Василию Власенко

Все умрут, ученые и неучи;
Горевать о том — напрасный труд.
Может, вовсе жить на свете незачем,
Если все когда-нибудь умрут.

Все уйдут тропой неотвратимую,
Ветхие дома пойдут на слом.
Но пока на свете есть любимые,
Мы еще, пожалуй, поживем.

Зря кружит прозорливая стражница;
До тех пор, покуда есть друзья,
Может сколько влезет смерть куражиться,
Скорым приближением грозя.

Спрячемся под солнечными бликами,
Чтоб не отыскала нас нигде;
Как когда-то длинную Неглинкою
Побредем к Мещанской слободе.

В сутолоке дня не будет тесно нам,
Будто день подарен нам одним.
С верными подружками прелестными
Мы пока прощаться погодим.

Жизнь свою не называем горькою;
И стоим незыблемо на том
Со старинной доброй поговоркою:
Живы будем — значит, не помрем.

ТИШИНА

Дождь неуклюже накрапывает,
Воздух пронзительно тих;
Редкое небо проглядывает
Меж облаков кучевых.

Роща скромна, словно девственница,
Галок и тех не слышать;
Молча березы советуются,
Как бы им день скоротать.

За ежевичною изгородью
К шелковой ели прильну.
Лишнего слова не выговорю,
Чтоб не спугнуть тишину.

Русь-недотрога — награда моя,
Вдруг невзначай в тишине
Тайна твоя неразгаданная
Чуть приоткроется мне.

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

В известном городе большом
Совсем недавним прошлым
Между соседями тишком
Жил человек хороший.

Не худощавый, не толстяк,
Не грешник, не святоша,
Неторопливо, просто так
Жил человек хороший.

Ни разу не был уличен
Ни в пьянке, ни в дебоше;
И все сошлись на том, что он
Был человек хороший.

Он не читал ученых книг,
Решив — себе дороже;
Пусть он успехов не достиг,
Но человек хороший.

Ему талантов не дал Бог,
Благих желаний тоже;
Пусть никому он не помог,
Но человек хороший.

О нем весь двор судил-рядил,
Но порешили проще:
Раз никому не навредил,
То человек — хороший.

Однажды он глаза смежил,
Все вкратце подытожил
И умер, словно и не жил,
Тот человек хороший.

Твердили на похоронах,
Что он не вынес ноши
И вот безвременно зачах,
А человек — хороший.

С тех пор, друзьями позабыт,
Знакомыми заброшен,
На дальнем кладбище лежит
Тот человек хороший.

Жизнь заново не проживешь,
Не переменишь кожи.
И не поймешь — а был хорош
Тот человек хороший?

ВЕТЕР

Зябкая поземка змейкой юркой
Вьется так, что спрятаться нельзя.
В крохотном Каретном переулке
Суматошный снег слепит глаза.

Вышедшие из дому некстати —
Задирают вверх воротники;
Школьницы, спешащие с занятий,
Наглухо укутаны в платки.

Будто бы неслыханная сила
Светопреставлению виной;
Кажется, всю землю застелило
Плотной полотняной пеленой.

Но чуть-чуть ладонью заслониться,
Бросить взгляд в полуденную высь,
Сквозь заиндевевшие ресницы —
Солнца луч откуда ни возьмись.

И, не веря своему везенью,
Молча, очарованный стоишь, —
Не пурга похоронила землю,
Просто ветер снег сдувает с крыш.

СНЕГ В КРЫМУ

В горах сгустилась пелена,
Какой не чаяли вначале,

И сумерки средь бела дня
Непредсказуемо настали.

Сплошной завесой снег упал;
Кругом — не видно на полшага.
В снегу Ангарский перевал,
В снегу отроги Чатыр-Дага.

Зима сошла во всей красе,
А с нею спорить не годится;
По обе стороны шоссе
Машин застыла вереница.

Но чувствовалось, что вот-вот
Природа сменит гнев на милость;
И я прошел пешком вперед,
Туда, где небо прояснилось.

Я вглядывался из-под век
Вослед унявшейся стихии,
Вдыхая первозданный снег,
Простой, привычный снег России.

САШКА

Было б несоизмеримо проще нам,
Поумерь мы пруть свою слегка.
Сашка слыл у нас заядлым спорщиком,
Так, что заводился с полпинка.

Он кидался в бой скоропалительно,
Вовсе не заботясь о тылах;
Об искусстве, спорте и политике
Спорил не на совесть, а на страх.

Вечно возбужденный и взъерошенный,
Стоило переступить порог,
Даже там, где был он гость непрошенный,
Никогда сдержать себя не мог.

Зря иные скептики не верили, —
В лабиринте следствий и причин
Он бы переспорил пол-Америки,
Если бы английский подучил.

Но когда — впрямую или косвенно —
Переспорил всех до одного,
Записные спорщики московские
Сторониться начали его.

Можете, коль заблагорассудится,
Усомниться, — Сашка бросил пить.
Как тут жить, когда вокруг Иуды все, —
Ни поспорить, ни поговорить!

Но его упорство не по мерке нам,
И азарт у Сашки не померк, —
Сам с собой он спорит перед зеркалом
И всегда одерживает верх.

ПОЗТЕССА

Безжалостная, будто мафия,
А может, и намного злее, —
Любительница амфибрахия
И ненавистница хоря.

Закрывшись, как отшельник в пустыни, —
Светильник, кофе, сигарета, —
Она строчит стихи без устали
С полуночи и до рассвета.

Бумага чистая податлива,
Строка к строке — рукою ловкой;
Не то чтобы она талантлива,
Но так — справляется с рифмовкой.

Ее манера экспрессивная
Мужчин доводит до озноба;
Не то чтобы она красивая,
А так — эффектная особа.

Но комплименты не по нраву ей,
Она поэт — не поэтесса!
В ней гендерное равноправие
Звучит синонимом прогресса.

Духовной жаждою разбужена,
Она фигурой колоритной
Возносится во всеоружии
И жжет сердца глагольной рифмой.

АКТЕР

Михаилу Пярну

Мы, — что таить там, — иных честнее,
Хоть бы пенял нам весь белый свет.
Да, мы актеры, мы лицедеи,
Но лицемеров меж нами нет.

Нам страх известен, как ни божись мы;
Но просим просто поверить впредь, —
Тому, кто прожил за жизнь сто жизней,
В одной не страшно и умереть.

Тот копит деньги, тот жаждет славы, —
Им пораженья не пережить.
А кто рожденье на кон поставил,
Тот сделал ставку, чтоб победить.

И на подмостках, ничем не скован,
Без ложных пауз, чтобы успеть,
Актер из сердца исторгнет слово
Дороже жизни, сильнее чем смерть.

Пускай себе он не знает цену,
Не помышляет о похвале, —
Когда ступает актер на сцену,
Смолкают пушки по всей земле.

МОЯ ВЯТКА

Русь склонить под рукою владычней
Порешил патриарший престол.
Мои предки, чтя древний обычай,
В те поры уклонились в раскол.

Непокорные старообрядцы
От гонений скрывались в скитах
И осели по землям по вятским,
Не продав свою совесть за страх.

Не сломили их беды и бури,
Жизнь вилась над избою дымком;
Ведь не зря мой прапрадед Меркурий
Основательным слыл мужиком.

Век бы жить им, молясь да не хмуясь,
Обустроить дом свой ладком.
Только видишь, как все обернулось,
Когда грянул нечаемый гром.

Не спасла моих прадедов Вятка,
Тут уж поздно — крестись не крестись;
Те, кого не смело без остатка,
Кто куда по Руси разбрелись.

Жить по чести, случалось, непросто, —
Хоть умри, а душой не криви, —
Но всегда выручало упорство,
Что у каждого было в крови.

Хотя я не бунтарь бесшабашный, —
Не буяню, интриг не плету,
Не усердствую в спорах, — однажды
Мне становится невольно.

Не по вере — по жизни раскольник,
Не терплю самозваную знать;
Что подделаешь, вятские корни
Всё нет-нет, а дают себя знать.

Хоть с сумою — да что-нибудь стою;
Предкам-старообрядцам под стать —
Я всегда шел дорогой прямою,
А упрямства мне не занимать.

Жизнь качала, трясла и кружила,
Но дорога казалась гладка,
И текла в переполненных жилах
Заповедная Вятка-река.

* * *

Она сидела и скучала,
Откинувшись к диванной спинке,
И из салфеток вырезала
Восьмиконечные снежинки.

Подрагивал огонь огарка,
И было не до разговора.
Лишь ножнички сверкали ярко
Из маникюрного набора.

Так длилось с полчаса примерно.
Она вставать не торопилась.
Я никогда не знал наверно,
Что на уме ее творилось.

Чему-то молча улыбалась,
И, как рождественская сказка,
Прекрасней ангела казалась
Согревшая кареглазка.

Рок, над которым был не властен,
Я пробовал умилосердить,
И бесконечно верил в счастье,
Как верит праведник в бессмертье.

О, Боже, как я был беспечен,
Мне было ничего не надо
Кроме сошедшего под вечер
Рождественского снегопада.

Снежинки кружевом бумажным
Стелились по полу лениво,
Как в фильме короткометражном
Из довоенного архива.

Понять, что происходит с нею,
Я все пытался сквозь потемки.
Но становилось лишь мутнее
Изображение на пленке.

И я сознался, что навряд ли
Смогу остановить мгновенье.
Едва мелькнув в последнем кадре,
Она исчезла в затемненье.

* * *

Тень не напускаю на плетень я, —
Дни постылы, сны давно пусты.
Безнадежный пленник вдохновенья,
И заложник женской красоты.

Сотни раз встречал ее во сне я,
Тысячу ночей провел без сна;
Точно чувствовал, что встреча с нею
Вечностью предопределена.

Лето начинало с подмалевка,
Нанося неброские штрихи.
Как река, Большая Пироговка,
Не спеша втекала в Лужники.

Образ той, что снилась мне ночами,
Я переносил на чистый лист,
И, когда мы встретились случайно,
Различил ее из тысяч лиц.

Только был — предупреждением свыше —
Странный сон, как окрик, — берегись!
Будто с нею мы стоим на крыше,
И она соскальзывает вниз.

Знал бы я, чем сон мой обернется,
Бросил ли я вызов небесам?
Кто умен — всегда остережется;
Только я был молод и упрям.

Верил, что бы ни случилось с нею,
Все напасти я перелистну.
И любил ее стократ сильнее,
Вопреки приснившемуся сну.

Но судьбу не провести с наскока,
Обух плетью не перешибешь...
Осень надвигается до срока,
К вечеру пойдет, возможно, дождь.

Я один. Один за все в ответе,
Сплю я или грежу наяву.
По Хамовникам гуляет ветер,
Разгоняя стылую листву.

* * *

Я проиграл. Но я еще живой.
А коли так, я все-таки уверен:
Последний бой — останется за мной.
И значит, я сдаваться не намерен.

Проходит все, сказал Екклесиаст.
Но я себе позволю усомниться,
Ведь я борюсь не за себя — за нас,
И мне простится легкая ехидца.

Я преклоню колени в честь твою
В преддверье неизбежного сраженья,
Ведь лучше быть поверженным в бою,
Чем выжить, испугавшись поражения.

Смысл — не в победе. Но и не в судьбе,
Не в том, что кажется неотвратимым;
И не во мне, и даже не в тебе,
А в том, чтобы любить — и быть любимым.

И пусть я буду обречен, и пусть
Умру заложником чужих решений,
Но я твержу упрямо наизусть:
Боящийся — в любви несовершенен.

Пусть все, кого любил и с кем дружил,
Советуют — смиришь, остынь, расстанься.
Я проиграл. Но я откуда жив.
И значит — до последнего не сдамся.

НОВЫЙ ГОД

Город лихорадит в нервотрепке,
Вот уже четвертый день Москва
Топчется в автомобильной пробке
С католического Рождества.

Из столицы или из глуши вы,
Всех заморозил ажиотаж,
Сладкий аромат чужой наживы
Заслонен соблазном распродаж.

Ломятся прилавки под товаром.
Господи, дела твои чудны!
Что вчера не нужно было даром,
Нынче нарасхват за полцены.

Это дефицит иммунитета
Нас настиг на дне последних дней.
Где-то в Пензе чают конца света.
Кто их знает, может, им видней.

Может, из предновогодней смуты
Ждет непредсказуемый исход;
Может быть, он вовсе не наступит,
Этот пресловутый Новый год.

И уже ни выгоды, ни проку
Ни к чему не мерить, не считать.
В трех часах от Гринвича к востоку
Полночь поворачивает вспять.

ДУЗЛЬ

От чистого сердца — до чистого снега
Протянут багряный рассвет; без огня
Клонится свеча; в предвкушении бега
Конь пробует землю; на хрупких санях
Ямщик дожидается, тускло уставясь
На вытаявший из-за сосен кружок,
В котором колышется, вширь разрастаясь,
Продрогшее небо. Как будто прыжок
Готово уже совершить из укрытья
На свадебный поезд; и кто-то седой
По склону взбегает с недюжинной прытью
И тут же, склонившись, трясет головой,
И сыплется иней. И все это длится
От силы какой-то десяток минут.
И снег под ногами скрипит и искрится,
И черное тело вдоль речки несут.

* * *

Нечаянно родившись заново,
Я снова начал этим летом
Читать Георгия Иванова
И спать с невыключенным светом.

Таилась в оболочке будничной
Непредсказуемого завязь;
По сретенским невзрачным улочкам
Мы шли, ладонями касаясь.

Там, где случайного прохожего
В урочный час не чаешь встретить,
Лучей причудливое крошево
На нас раскидывало сети.

Жара под крыши горожан гнала;
Но ты, без преувеличения,
И в зной казалась краше ангела,
Увиденного Боттичелли.

И облака — благие вестники —
Струились высью голубою
От Сухаревки до Рождественки,
Благословляя нас с тобою.

ПАРИЖ

Москвою снова правит листопад.
Почти тысячелетие подряд
Усталая листва под ветром сохнет.
Пускай непритязателен, но храбр, —
Берет палитру с красками октябрь
И сурик густо смешивает с охрой.

День-два — и город тяжело узнать;
Едва ли это можно оправдать
Идержками сезанновского взгляда.
Он был замысловат, лукавый галл,
Но сам себе при этом он не лгал,
И, стало быть, его винить не надо.

Париж всегда был тайной под замком,
И все ж казалось, — нас туда пешком
Вела географическая карта.
Уж за семь лет с тобою как-нибудь
Небрежно мы преодолели путь
От Крымской набережной до Монмартра.

Там тот же листопад во всей красе;
Но все под дебаркадером д'Орсе
Предпочитают черпать впечатленья.
А я, набрев на игроков в шары
На пяточке у сада Тюильри,
Был счастлив, как участник приключенья.

Я смог припарковать «Рено» на спор
У самой базилики Сакре-Кёр,
Как будто выиграл пари на тыщу.
Сведя на полушепот разговор,
Мы не спеша с тобой прошли в собор,
Кошунственно не подавая нищим.

Перед тобой рассеивалась тень;
Степенно, со ступени на ступень
Ты восходила, словно королева.
И верилось, что мир — неразделим,
И нас хранит Саровский Серафим,
Как нас хранит святая Женевьева.

Через три дня, на праздник Покрова
Нас будет ждать осенняя Москва,
Дождливых улиц дрожь и ветер колкий.
Но вновь Парижем станет воздух пьян,
Когда с тобой нас позовет Сезанн
К Цветаевскому дому на Волхонке.

СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД В СЛОВЕНИИ

Я иду к итальянской границе,
К упраздненной границе, верней.
Я освоился в Новой Горице
За каких-то одиннадцать дней.

Мне не нужно уже с провожатым
Каждый раз выходить со двора;
Мне уже не придется блуждать там
И от стужи дрожать до утра.

Как Сокольнической слободкой,
Через двадцать без малого лет
К итальянцам иду я за водкой
(Русской водки в Словении нет).

От незамысловатой тирады
Продавщица спадает с лица
(Говорю справедливости ради,
А не красного ради словца).

Пассажир прицепа вагона,
Я случайным знакомым дарю
Встречу старого Нового года
По церковному календарю.

Загуляем с размахом, по-русски,
К изумлению местных властей,
Чтоб за час не осталось закуски,
Заготовленной впрок для гостей.

Чтоб, когда будет начисто пропит
Весь, до евро, наличный запас,
Я очнулся в единой Европе
С полным чувством, что жизнь — удалась.

ВЕНЕЦИЯ

Железная дорога – ferrovia
(Дословный итальянский перевод) –
Простуженной январскою равниной
Опять меня в Венецию везет.

Погода нынче выдалась не очень,
Но, впрочем, я другой не ожидал;
И через мост, ведущий в Санта Кроче,
Я молча перешел Большой канал.

Здесь солнца в эту пору – кот заплакал,
У улочек-каналов бледный вид;
И взвесь из миллиона пресных капель,
Едва колышась, в воздухе висит.

Непрошеному визитеру тошно
По городу бродить в такие дни.
И лишь немного утешает то, что
Погода – настроению сродни.

Но, чтоб поездка не пошла насмарку
И было, чем похвастаться потом,
Иду через Риальто до Сан-Марко
Обычным туристическим путем.

Вальяжные паломники со стажем
Всех, кажется, немислимых мастей.
И вот уже не раздражает даже
Навязчивая свора голубей.

Пора бежать, пока не утомили
Дурные мысли, невозможный сплин.
Какие дожи?! Господи, помилуй!
Когда ты здесь – в Венеции – один!

Меж небом и землей посередине.
Нарочно, что ли? Сам себе назло?
И, как стеклянный шарик в глицерине,
Не вешишь ровным счетом ничего.